

Таким образом, сегодня, когда гипертекст является доминирующей формой трансляции знаний, читатель оказывается постоянно включенным в окружающие его информационные потоки, от чего испытывает значительные психологические и эмоциональные нагрузки. Оче-

видно поэтому, что одной из приоритетных задач современного образования становится подготовка юных читателей к активному и продуктивному взаимодействию с текстом, который сегодня встречается преимущественно в форме сверхтекстовых структур.

Список литературы

1. Derrida J. Of grammatology / Translated by G. C. Spivak. Baltimore : John Hopkins University Press, 1997. 410 p.
2. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. М. : ЛИБРОКОМ, 2009. 272 с.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М. : КомКнига, 2007. 144 с.
4. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб. : Академический проект, 2002. 544 с.
5. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 281–307.
6. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1995. № 1. С. 97–124.
7. Барт Р. Избранные труды. Семиотика. Поэтика / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М. : Прогресс, 1989. 616 с.
8. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. М. : Аграф, 1997. 384 с.
9. Olizko N. S. Postmodern literary discourse as linguosynergetic system // Russian Linguistic Bulletin. 2015. № 1 (1). P. 28–29.
10. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб. : Искусство-СПб, 2003. 616 с.
11. Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь : Изд-во Пермского ун-та, 2000. 404 с.
12. Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск : НГПУ, 2003. 169 с.
13. Лошаков А. Г. Сверхтекст: семантика, прагматика, типология : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киров, 2008. 50 с.
14. Landow G. P. Hypertext: the convergence of contemporary critical theory and technology. Baltimore : John Hopkins University Press, 1992. URL: <http://proteus.fau.edu/practicum/texts/landow1.pdf>
15. Эпштейн В. Л. Введение в гипертекст и гипертекстовые системы. URL: <http://www.ipu.rssi.ru/publ/epstn.htm>
16. Андреева К. А., Чувильская Е. А. Литературный гипернарратив как форма выражения нелинейности смысла // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 1. С. 202–209.
17. Орехов С. И. Гипертекстовый способ организации виртуальной реальности // Вестник Омского государственного педагогического университета : электронный научный журнал. 2006. URL: <http://www.omsk.edu/article/vestnik-omgpu-21.pdf>
18. Шехтман Н. А. От повествования к гипертексту и нарративу : монография. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2014. 148 с.
19. Ключкова Е. С. Повтор как средство создания референциальной структуры гипертекста // Вестник Самарского государственного университета. 2008. № 4 (63). С. 46–54.
20. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М. : Флинта : Наука, 2003. 840 с.
21. Леонтьев А. А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации // Синтаксис текста. М. : МГУ, 1979. С. 18–36.
22. Рязанцева Т. И. Гипертекст и электронная коммуникация. М. : ЛКИ, 2010. 256 с.
23. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М. : Гнозис, 2005. 543 с.
24. Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики : учеб. пособие. М. : Лабиринт, 2008. 320 с.
25. Симоненко М. А. Городской текст глазами горожан // Теория языка и межкультурная коммуникация : научный журнал. 2011. № 1 (9). URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/009-14.pdf>
26. Регион: пространство смыслов и содержание : коллективная монография. Волгоград : Волгоградское науч. изд-во, 2013. 294 с.

© М. А. Симоненко

Ссылка для цитирования:

Симоненко М. А. Трансформация читателя в условиях новой текстовой реальности // Социально-гуманитарный вестник Прикаспия : научный журнал / Астраханский государственный архитектурно-строительный университет. Астрахань : ГАОУ АО ВО «АГАСУ», 2016. № 2 (5). С. 35–40.

УДК 316.723

ЭЛЕКТРОННАЯ КУЛЬТУРА СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ РЕГИОНА: К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

С. В. Каргаполов

Волгоградский государственный университет

В статье обосновывается необходимость социологического анализа электронной культуры студенческой молодежи региона на примере студенчества технических вузов.

Ключевые слова: электронные технологии, электронная культура, молодежь, студенчество, регион.

E-CULTURE OF STUDENTS IN THE REGION: THE ISSUE OF DEMAND FOR SOCIOLOGICAL ANALYSIS

S. V. Kargaplov

Volgograd State University

The paper gives grounds for electronic culture sociological analysis. The target group is made up of technical students, the residents of the region.

Keywords: e-technology, e-culture, youth, student, region.

Электронные технологии могут оказывать различное влияние на разные социально-демографические группы. Так, например, существуют различия по гендерному признаку в мотивации использования блогов, их информационной структуре, визуальном оформлении, реакции на комментарии и т. д. [1, с. 50–53]. Но использование электронных технологий само по себе не означает наличия электронной культуры, которую мы понимаем как социальное качество, ресурс воспроизводства, увеличения благосостояния и социальных возможностей.

В этом смысле электронные технологии выступают как средство ресоциализации пожилых и вторичной социализации взрослых. Можно предположить, что влияние электронных технологий будет существенным на социализацию детей. Например, М. Пренски делает различие между цифровыми «аборигенами» (которые выросли с этой технологией) и цифровыми «иммигрантами» (взрослые, которые столкнулись с новой технологией в сознательном возрасте). Исследователь утверждает, что цифровые «аборигены» имеют совсем другой стиль обучения: они жаждут интерактивности, они придают значение изображению больше, чем словам; они хотят произвольный доступ и работают на «скорости» видеоигр и MTV. В результате, они недовольны старыми стилями обучения, основанными на объяснении и «пошаговой» логике: они видят цифровых «иммигрантов» как носителей совершенно чуждого, устаревшего языка. М. Пренски даже предполагает, что цифровые «аборигены» имеют совершенно иную структуру мозга по сравнению с «иммигрантами», как будто технология ускорила физическую эволюцию в пределах периода немногим более десяти лет [2].

В данном случае такие технологии появляются в жизни детей на нерелексивном этапе первичной социализации. Как подчеркивают исследователи на основе результатов опроса учащихся школ, критичное отношение опрошенных к Интернету существенно падает по мере уменьшения возраста от десятого класса к пятому [3, с. 252]. Причем для детей, которые взяли в руки планшет прежде, чем научились говорить, электронная культура может стать агентом первичной социализации, существенным образом подменяя такого традиционного агента, как семья.

Актуальным представляется анализ электронной культуры молодежи, так как исследователи отмечают, что значительную долю среди пользователей Интернета составляют именно молодые люди, динамика роста пользователей также связана прежде всего с увеличением доли молодежи [4–7]. Возрастная группировка явля-

ется одной из базовых характеристик, определяющих повседневные практики электронных сообществ [8, с. 361; 9, с. 75], то есть наблюдается существенная дифференциация в использовании электронных коммуникаций по возрастным группам даже в количественных, статистических показателях.

Социологический анализ формирования электронной культуры у молодежи приобретает особую значимость в силу особенностей ее социального статуса в обществе. Как социально-демографическая группа молодежь выделяется «на основе возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных теми или другими социально-психологических свойств, которые определяются общественным строем, культурой, закономерностями социализации, воспитанием данного общества, современные возрастные границы от 14–16 до 25–30 лет, доля в составе населения 20 %» [10]. Молодежь может также определяться как субъект социальных отношений, который, по Е. М. Бабосову [11], находится в процессе формирования и развития общественной, психофизиологической, общекультурной и гражданской зрелости, адаптированной к социальным статусам и ролям, которые свойственны и взрослым людям, а по П. Бурдые, молодежь «ничего не имеет. Это – новички, которые включаются в деятельность, будучи лишены какого-либо капитала» [12]. Действительно, обладая в силу своего возраста физической силой, бурной энергией, но не зрелостью и мудростью, свойственной более старшим поколениям, молодежь ориентирована в будущее, так как в этом смысле ничего не имеет и должна еще только создавать свои социальные статусы, связанные с обретением семьи, профессии и устойчивого положения в обществе. С. И. Иконникова и В. Т. Лисовский [13] исследуют молодежь как поколение, отличием которого является не только возраст, но и совокупность целей, стремлений, убеждений, интересов и ценностей, общие переживания и отношение к жизни.

С одной стороны, динамика процессов современной жизни способствует тому, что молодежь становится ведущим, деятельным субъектом социально-политических, экономических и иных преобразований. По мнению В. И. Чупрова, молодежь в современном мире является также субъектом инновационных изменений, поскольку именно она занимается как созданием, так и распространением инноваций [14] (электронных технологий, например). Современную молодежь называют «цифровым поколением» [8, с. 358]. Кроме того, представителей молодого поколения именуют посттелевизионным поколением, в некоторых кругах призна-

ние «я смотрю телевизор» оценивается как «черная метка» на репутации» [15, с. 5]. С другой стороны, в эпоху преобразований статусная позиция молодежи приобретает черты маргинальности, неспособности к самоопределению и самоорганизации, даже зависимости [16–17]. И стремительно изменяющиеся электронные коммуникации могут оказывать существенное влияние на этот процесс.

Одна из важнейших характеристик молодежи как социально-демографической группы – включение в образовательную деятельность. Поэтому при ее социологическом анализе чаще всего выделяется учащаяся молодежь, а в рамках нашего исследования – студенческая молодежь. Главный вид труда у студентов – учеба, направленная на приобщение к культуре, которую им необходимо освоить, чтобы в дальнейшем заниматься ее развитием (в нашем случае это электронная культура). Общеизвестным социальным фактом стало то обстоятельство, что в учреждениях начального и среднего профессионального образования обучаются в основном дети из семей с более низкими ресурсами образования, статуса, материального положения и хуже успевающие в школе [18, с. 64]. Таким образом, у выпускников учреждений высшего образования больше шансов и возможностей для освоения и тем более развития электронной культуры.

Необходимо отметить особую роль студенчества среди молодого поколения. С одной стороны, ее характеризует «отложенное» включение в социальные отношения [19, с. 23], так как главной задачей студенчества является получение высшего образования. Это несколько дистанцирует ее от других задач, таких как создание семьи, например. Но, с другой стороны, именно дистанцированность студенчества детерминирует статусную позицию деятельного субъекта социальных отношений, ориентированного в будущее. А получение качественного образования повышает шансы бывших студентов на успешное участие в инновационных процессах, так как именно выпускники вузов в силу получения ими диплома о высшем образовании имеют больше возможностей претендовать на различные должностные, в том числе управленческие позиции. Это «инновационный резерв и потенциальная элита общества в целом, которая концентрирует в своих взглядах и идеях потенцию будущих политических, культурных и экономических преобразований в обществе» [20, с. 63].

Среди специфических особенностей студенчества, которые способствуют его статусной позиции «пионера» в распространении электронных технологий и формировании электронной

культуры, можно назвать «психологию социального продвижения» [21, с. 163]; высокую интенсивность общения и сплоченность, формирующуюся на основе общности целей в получении высшего образования, характера труда – учебы, образа жизни, активного участия в общественных делах вуза, многообразия форм коллективной деятельности [21, с. 163]; динамичность ценностей, так как студенчество чутко реагирует и оперативнее, чем другие слои молодежи, откликается на изменения в обществе и культуре [21, с. 165; 22]. Но, как отмечает Н. В. Баблюян, в условиях трансформации снижается уровень социальной защищенности всей молодежи и особенно студенчества со стороны государства, что является одной из причин дезадаптированности и проявляется в доминировании иждивенческих психологических установок [17].

Особая роль в распространении электронных технологий должна принадлежать учащимся техническим вузов. Студенты-«технари» в силу содержания и социальных возможностей будущей профессиональной деятельности занимают особое место трансляторов с кумулятивного к повседневному уровню электронных технологий, то есть они должны выступать в авангарде не только распространения электронных технологий, но и формирования электронной культуры. Но если в СССР высшее техническое образование рассматривалось как «динамичное, соединяющее производство и общество» [23, с. 3], то с середины 90-х гг. XX в. можно говорить о «закате» высших технических образовательных структур по количественным и качественным параметрам. И в современной России инженерно-техническое образование как сегмент высшего образования характеризуется доступностью, массовостью, периферийностью, дезинтегрированностью, наименьшей перспективностью [23, с. 3–4].

Весьма точно передает состояние современной российской молодежи ее характеристика как «класса в себе», отражающая такие аспекты ее существования, как отсутствие единства в культурном и духовном смысле [24]. Отсутствие единства общественного статуса молодежи дополняется высоким уровнем дифференциации по экономическим, географическим, этническим, религиозным и культурным основаниям [25–28]. Особую актуальность данная проблема приобретает на региональном уровне Российской Федерации, так как этот уровень характеризуется высокой степенью неопределенности социокультурного развития, детерминированной «преимущественно латентным конфликтом между традиционными ценностями и нормами и вызовами, которые предлагаются

молодежи от имени так называемого цивилизованного (мирового) глобализирующегося сообщества» [26]. В процессах самоорганизации молодежи на региональном уровне начинает все большую роль играть не институциональный, а личностный фактор. Поэтому содержание и перспективы этих процессов «в значительной мере определяются характером присущей молодым людям социокультурной рефлексии» [26].

При этом региональный уровень исследования является значимым и при анализе студенчества технических вузов. Как отмечает Н. С. Иваненко, в современной России система высшего инженерно-технического образования характеризуется территориальной дифференциацией, поскольку учиться в «близком» (по территориальному признаку) вузе становится предпочтительно по финансовым соображениям, а также по причине значительного снижения социальных рисков в знакомой среде. «Территориальная дифференциация содержит стагнационный эффект, так как осложняется процесс рационализации образовательного пространства, но... позволяет смягчить последствия неравенства молодежи в доступе к образовательным и профессиональным ресурсам» [23, с. 5]. При этом складывается иерархия статусов студентов по фактору территориальности, а также «социально-территориальные микрообщности студентов, характеризующиеся асимметричными социальными отношениями, которые связаны с социальными и культурными различиями по фактору территориальности, рождения и взросления в определенной территориальной среде» [23, с. 5].

Таким образом, мы выявили противоречивость в оценках социального положения молодежи, студенчества среди представителей молодого поколения, а также студентов-«технарей» как авангарда формирования электронной культуры, что актуализирует исследование электронной культуры студенческой молодежи на примере студенчества технических вузов. Актуализирован нами и региональный уровень исследования. При этом необходимость изучения электронной культуры именно представителей молодого поколения обусловлена также противоречивостью оценок влияния электронных технологий на процессы социализации современной молодежи.

Е. Г. Горшкова, подчеркивая положительные технические и коммуникационные стороны Интернета (высокая скорость передачи данных; глобальные характеристики Сети, не имеющей территориальных, государственных границ; «свобода слова»; доступность размещения информации; анонимность; обширное географическое проникновение; нарастающие темпы ауди-

тории; возможности убеждения и влияния; изменение восприятия партнера по взаимодействию, норм и правил общения, личностной позиции самого коммуникатора), считает его «вспомогательным средством социализации и самореализации личности и социальной группы путем общения с заинтересованными акторами» [29, с. 66].

По мнению Н. Л. Бойко, Интернет сегодня «начинает выступать одним из основных агентов социализации» молодежи при сохранении роли главного института социализации за семейно-родственным окружением [8, с. 365].

В. А. Плешаковым [30] в 2005 г. введен термин «киберсоциализация», то есть социализация личности в киберпространстве, как особый процесс качественных изменений структуры самосознания личности в результате использования человеком современных информационно-коммуникационных технологий в жизни. «Действительно, в процессе подобной жизни «онлайн» («кибержизнедеятельности») человек формирует свою онлайн-идентичность и создает кибер-Альтер-Эго как воплощение своей личности в киберпространстве. Кибер-Альтер-Эго частенько является результатом неосознаваемых представлений человека о себе, образом его идеального «Я», не всегда идентичным с его реальным «Я». Онлайн-идентичность стала не просто еще одной характеристикой личности, но сама по себе олицетворяет современную потребность человека в самопрезентации в киберпространстве: выбор имени, графического изображения, репутации и т. д.» [30, с. 18].

Противоречивыми, а зачастую полярными являются оценки влияния электронных технологий на молодежь. Так, например, электронные технологии атрибутируются следующими позитивными характеристиками влияния на представителей молодого поколения: сила, освобождающая молодых людей; путь создания более открытого, демократичного, творческого и инновационного поколения, так как сеть является активной, демократической и интерактивной средой, повышает интеллект, строит общину и т. д. Производными от влияния электронных технологий, а не других социальных, исторических и культурных сил, являются такие поколенческие отличия «цифровой» молодежи, как смекалистость, самодостаточность, аналитичность, красноречивость, способность к творчеству, любознательность, принятие разнообразия, социальная сознательность. Интернет, например, позиционируется как «посредник для социального пробуждения», которое производит целое поколение, более терпимое, более глобально ориентированное, более склонное проявлять социальную и граждан-

скую ответственность и уважать окружающую среду [2].

На основе электронных технологий создаются новые стили общения и взаимодействия, а также новые средства для построения сообществ. Электронные технологии предоставляют новые стили игрового обучения, выходят за рамки старого подхода к обучению, построенного на авторитарности и доминировании учителя. Это создает новые компетенции или формы «грамотности», которая требует и продуцирует новые интеллектуальные силы и даже более сложные структуры мозга. Это открывает новые способы формирования идентичности и, следовательно, новые формы личности [2].

Критика подобных взглядов связана прежде всего с наблюдением конкретных повседневных практик, когда «в среднем, члены «поколения Сети» на самом деле тратят больше времени на просмотр телевизора, чем на Интернет; и, конечно, есть множество представителей «поколения телевидения», которые проводят большую часть своего рабочего времени и досуга онлайн» [31, с. 14].

Существует противоположная точка зрения, согласно которой электронные технологии угрожают или даже разрушают молодость. «Молодые рассматриваются как группа риска, не только со стороны наиболее очевидных опасностей, таких как порнография и онлайн педофилы, но и от широкого спектра негативных физических и психологических последствий, которые вытекают из их взаимодействия с технологией. Как и телевидение, цифровые Медиа видимо, несут ответственность за целый спектр социальных недугов – зависимостей, антиобщественного поведения, ожирения, неуспеваемости в обучении, коммерческой эксплуатации, замедленного воображения» [31, с. 14].

К отрицательным сторонам влияния электронных технологий можно отнести также «недемократические тенденции многих онлайн «сообществ», ограниченную природу так называемого электронного обучения и изнуряющую скуку многих видов технологически обусловленной работы» [31, с. 14]. Игнорируется продолжающийся «цифровой разрыв» между технологически богатыми и технологически бедными, как внутри, так и между обществами [31, с. 15].

Молодежь может быть гораздо менее свободна или технологически грамотна в использовании Интернета, чем часто предполагается. Как отмечают М. А. Головчин и Т. С. Соловьева, из опрошенных молодых людей г. Вологды ресурсы Интернета в учебной деятельности использует 89 % старшекурсников. Интернет как источник реализации творческих способностей и интересов используются ими в меньшей

степени. Так, среди обучающихся большую популярность имеют сайты рефератов (66 %), чем электронные библиотеки, образовательные порталы, книжные интернет-магазины (24 %) [32, с. 99–100]. Это свидетельствует о не творческом, а в большей степени банальном характере использования новых масс-медиа, возвращении к относительно приземленным формам коммуникации и поиска информации. Большинство молодых людей пользуются Интернетом не для разработки глобальных связей, а в качестве средства укрепления локальных сетей среди сверстников. «Молодые люди могут быть «усилены» как потребители, по крайней мере, в том отношении, что они в состоянии без труда получить доступ к гораздо более широкому спектру товаров и услуг. Но они все еще не особо расширяют свои возможности в качестве граждан; только меньшинство использует технологию для гражданского участия, чтобы сообщить о своих взглядах более широкой аудитории или принять участие в политической активности» [31, с. 14].

Таким образом, как отмечает Д. Букингом, лишь меньшая часть молодых людей активно использует весь технико-коммуникационный потенциал электронных технологий для социальных, образовательных и творческих целей, а большинство представителей современной молодежи являются «обычными подозреваемыми», которые уже преуспели в других областях своей жизни и чье использование технологии поддерживает их доступ к другим формам социального и культурного капитала [31, с. 15].

Ряд других исследователей [33, с. 197; 34, с. 65] высказывается более категорично и характеризует ситуацию уже в контексте общероссийских реалий как кризис информационной культуры, который способствует подрыву преемственности поколений и разрыву межпоколенческих связей. Как следствие, подчеркивает В. Е. Семенов, у большинства молодых людей формируется «мозаично-эkleктический псевдоменталитет, то есть отсутствие какой-либо более или менее четкой, логичной картины мира, системы мировоззрения, явные противоречия в сознании» [35, с. 23].

Если В. Е. Семенов, оценивая происходящие процессы информатизации, употребляет понятие «псевдоменталитет», то С. Ю. Хлыстунов подчеркивает, что с помощью существующей инфраструктуры электронного пространства обеспечивается функционирование «глобальных механизмов ментальной деконструкции, с помощью которых в сознании молодежи насаждается новая гедонистическая и индивидуалистическая система ценностей, потребностей и, как следствие, стиль жизни, неадекват-

ный российским условиям. В данном случае индустрия зрелищ с ее соблазнами массовой культуры и элитарного стиля жизни становится по отношению к российскому населению, и особенно молодежи, эффективным инструментом, стимулирующим моральную и интеллектуальную деградацию» [36, с. 4–5].

Логика социологического анализа требует предложить алгоритм эмпирического исследования электронной культуры студенческой молодежи региона. Для обеспечения целостности и комплексности эмпирическое исследование электронной культуры студенческой молодежи

региона должно охватывать такие уровни социологического анализа электронной культуры применительно к конкретной социальной общности (в нашем случае – студенческой молодежи региона), как место электронной культуры в повседневных практиках студенчества региона; дифференцирующее воздействие электронной культуры на студенческую молодежь региона; влияние социокультурной среды региона на формирование электронной культуры студенчества. Эти уровни должны быть описаны как взаимосвязанные друг с другом, как части одного целого.

Список литературы

1. Ефимов Е. Г. Блоги как вид социальных интернет-сетей: гендерный анализ // Известия Волгоградского государственного технического университета : межвуз. сб. науч. ст. № 3(90). Волгоград, 2011. Сер. Проблемы социально-гуманитарного знания. Вып. 10. С. 50–53.
2. Prensky M. Digital natives, digital immigrants // MSB. University Press. Vol. 9. №. 5. October 2011.
3. Полтавская М. Б., Козлова С. И., Гарченко М. Н. Дети и социальные сети: социально-психологические особенности интернет-общения школьников // Качество жизни как фактор формирования гражданского общества. Всероссийская науч.-практ. конф. 6–7 октября 2011 г. / отв. ред. Г. В. Лысенко. Волгоград : Изд-во ВАГС, 2011. С. 251–253.
4. Давыдова М. А. Влияние электронных медиа на формирование индивидуализма в молодежной среде : автореф. дис. ... канд. соц. наук : спец. 22.00.06 – социология культуры. Майкоп, 2012. 22 с. URL: <http://edu.of.ru/attach/17/199451.doc> (дата обращения: 15.11.2013).
5. Шишок А. А. Норма и девиация в молодежной субкультуре: проблемы социализации в современной России : автореф. дис. ... канд. соц. наук : спец. 22.00.06 – социология культуры. Майкоп, 2012. 25 с. URL: <http://www.dslib.net/sociologiya-cultury/norma-i-deviacija-v-molodezhnoj-subkulture-problemy-socializacii-v-sovremennoj.html> (дата обращения: 01.08.2016).
6. Шамыкина В. М. Управленческие взаимодействия в социоинформационной блогосфере : автореф. дис. ... канд. соц. наук : спец. 22.00.08 – социология управления. М., 2012. 24 с.
7. Менталитет и электронная культура современной молодежи (опыт социологического анализа) : монография / А. Ю. Арясова, Н. В. Дулина, С. В. Каргаполов, Е. В. Каргаполова ; под ред. Н. В. Дулиной. Волгоград : Волгоградское науч. изд-во, 2016. 175 с.
8. Бойко Н. Л. Молодежь эпохи Интернет на пороге взрослой жизни: социологический анализ // Социологический альманах. Вып. 5. Минск, 2014. С. 348–366.
9. Ефимов Е. Г., Небыков И. А. Возможности использования теории П. Сорокина в анализе социальных групп в социальных интернет-сетях // Известия Волгоградского государственного технического университета : межвуз. сб. науч. ст. № 3 (90). Волгоград, 2011. Сер. Проблемы социально-гуманитарного знания. Вып. 10. С. 74–78.
10. Медоуз Д. Х., Медоуз Д. Л. и др. Пределы роста. Доклад по проекту Римского клуба. М. : Изд-во МГУ, 1991. 312 с.
11. Бабосов Е. М. Социология. Энциклопедический словарь. М. : Либроком, 2009. 480 с.
12. Бурдые П. Социология политики. М. : Logos, 1993. URL: <http://bourdieu.name/content/sociologija-politiki> (дата обращения: 05.05.2016).
13. Иконникова С. И., Лисовский В. Т. Молодежь о себе, о своих сверстниках (социологическое исследование). Л. : Лениздат, 1969. 134 с.
14. Чупров В. И. Молодежь в общественном воспроизводстве // Социологические исследования. 1998. № 3. С. 93–106.
15. Сергеева О. В. Домашний телевизор. Экранная культура в пространстве повседневности. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2009. 162 с.
16. Пименова О. И. Глянцевый журнал как фактор конструирования социально-статусной идентичности молодежи : дис. ... канд. соц. наук : спец. 22.00.04 – социальная структура, социальные институты и процессы. Екатеринбург, 2013. 185 с. URL: <http://www.dslib.net/soc-struktura/gljancevyj-zhurnal-kak-faktor-konstruirovaniya-socialno-statusnoj-identichnosti.html> (дата обращения: 13.08.2016).
17. Баблюян Н. В. Социальный интеллект российской студенческой молодежи: адаптационные стратегии в транзитивных условиях : автореф. дис. ... канд. соц. наук : спец. 22.00.04 – социальная структура, социальные институты и процессы. Ростов-на-Дону, 2012. 27 с. URL: http://discollection.ru/article/13082012_89272_bablojan (дата обращения: 13.08.2016).
18. Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Чередниченко Г. А. Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие. М. : ЦСП и М, 2014. 548 с.
19. Петрова Т. Э. Социология студенчества в России. Этапы и закономерности становления. СПб. : Бельведер, 2000. 244 с.
20. Рудакова О. В. Жизненные стратегии современного российского студенчества : дис. ... канд. соц. наук : спец. 22.00.04 – социальная структура, социальные институты и процессы. М., 2004. 185 с.
21. Шашерин Э. В. Студенческая молодежь как особая социальная группа современного города // Вестник социально-политических наук. 2013. Вып. 12. С. 162–168.
22. Исламшина Т. Г., Максимова О. А., Хамзина Г. Г. Дифференциация ценностных ориентаций студентов // Социс. 1999. № 6. С. 132–136.
23. Иваненко Н. С. Территориальная стратификация студентов российских инженерно-технических вузов: социальные и культурные различия в студенческой среде : автореф. дис. ... канд. соц. наук : спец. 22.00.04 – социальная структура, социальные институты и процессы. Ростов-на-Дону, 2014. 39 с.
24. Гуляихин В. Н. Вхождение российской молодежи в общественно-правовую жизнь: роль правовой социализации // NB: Вопросы права и политики. 2013. № 11. С. 88–104. URL: http://e-notabene.ru/lr/article_9698.html (дата обращения: 04.02.2016).

25. Шелепова С. Н. Социологический анализ молодежных когорт в региональной социокультурной реальности : автореф. дис. ... канд. соц. наук : спец. 22.00.04 – социальная структура, социальные институты и процессы. Хабаровск, 2012. 25 с. URL: <http://www.dissers.ru/avtoreferati-kandidatskih-dissertatsii/a711.php> (дата обращения: 13.08.2016).
26. Морозова Т. И. Регулирование процессов самоорганизации молодежи в социокультурном пространстве региона : дис. ... д-ра соц. наук : спец. 22.00.08 – социология управления. Белгород, 2013. URL: <http://www.dslib.net/sociologia-upravlenia/regulirovanie-processov-samoorganizacii-molodezhi-v-sociokulturnom-prostranstve.html> (дата обращения: 02.08.2016).
27. Образование в современном российском регионе: качество, состояние, проблемы, тенденции : монография / Е. В. Каргаполова, И. В. Аксюткина, И. В. Беседина, Ю. Л. Дмитриева, Н. М. Качуровская, С. Б. Медведев, М. А. Семенова, С. А. Таран, Ю. А. Шуклина ; под ред. Е. В. Каргаполовой. Волгоград, 2013. 194 с.
28. Ануфриев Д. П., Дулина Н. В., Каргаполов С. В., Каргаполова Е. В. Патриотизм в менталитете современной молодежи: Астрахань – Волгоград (по итогам социологического исследования, посвященного 70-летию Великой Победы) // *Primo Aspectu*. 2015. Т. 20. № 2 (155). С. 12–17.
29. Горшкова Е. Г. Социальный капитал в социальных сетях: возможности и факты // *Качество жизни как фактор формирования гражданского общества. Всероссийская науч.-практ. конф. 6–7 октября 2011 г.* / отв. ред. Г. В. Лысенко. Волгоград : Изд-во ВАГС, 2011. С. 66–68.
30. Плешаков В. А. Социальные сети интернет-среды как фактор социализации студентов // *Научный вестник Норильского индустриального института*. 2010. № 7. С. 17–26.
31. *Youth, Identity and Digital Media* / edited by D. Buckingham. Massachusetts, 2008. 206 p.
32. Головчин М. А., Соловьева Т. С. Влияние социокультурных и образовательных характеристик на интеллектуальный потенциал молодежи (на примере г. Вологды) // *Социокультурная динамика регионов в условиях финансово-экономического кризиса : сборник материалов VI Всероссийской научно-практической конференции 7–9 октября 2010 г. Ульяновск, 2010*. С. 99–100.
33. Арясова А. Ю., Кузнецова О. А., Ермилова Т. О. Коммуникация поколений в процессе трансформации российской семьи // *Потенциал интеллектуально одаренной молодежи – развитию Каспия : материалы I Международного научного форума молодых ученых, студентов и школьников (в рамках праздничных мероприятий, посвященных 20-летию Астраханского инженерно-строительного института)*. 21–26 мая 2012 г. / под общ. ред. В. А. Гутмана, А. Л. Хаченьяна. Астрахань : ГАОУ АО ВПО «АИСИ», 2012. С. 195–198.
34. Рахвалова Н. А. Проблемы духовно-нравственного развития молодежи в современной России // *Пятое Байкальские международные социально-гуманитарные чтения : в 4 т.* / редкол.: А. И. Смирнова, Ю. А. Зуляр и др. Т. 2: материалы. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2011. С. 65–70.
35. Семенов В. Е. Проблемы воспитания российской молодежи и средства массовой информации // *Ценностно-нравственные проблемы российского общества: самореализация, воспитание, средства массовой информации* / под ред. В. Е. Семенова. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008. С. 23–33.
36. Хлыстунов С. Ю. Средства массовой информации российского общества в условиях идеологической глобализации : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : спец. 23.00.02 – политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии. Саратов, 2008. 39 с.

© С. В. Каргаполов

Ссылка для цитирования:

Каргаполов С. В. Электронная культура студенческой молодежи региона: к вопросу о необходимости социологического анализа // *Социально-гуманитарный вестник Прикаспия : научный журнал / Астраханский государственный архитектурно-строительный университет. Астрахань : ГАОУ АО ВО «АГАСУ», 2016. № 2 (5). С. 40–46.*

УДК 316.42

**СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ РОССИИ
И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА МИГРАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ СТУДЕНТОВ
(по итогам опроса студентов в Волгограде и Уфе)**

Н. В. Дулина, Е. В. Ануфриева

Волгоградский государственный технический университет

Статья посвящена изучению изменению социальной структуры студенческой молодежи. Обращается внимание на то, что миграционные установки местных и приезжих студентов различаются. На основе данных социологического исследования формулируются выводы о миграционных установках студентов, векторе их ценностных ориентаций в данной сфере жизни.

Ключевые слова: миграция, миграционные установки, молодежь, студенты, социальная структура, социальная коммуникация.

**SOCIAL STRUCTURE OF RUSSIAN STUDENTS COMMUNITY
AND ITS IMPACT ON MIGRATION INTENTIONS AMONG STUDENTS
(according to the survey in Volgograd and Ufa)**

N. V. Dulina, Ye. V. Anufrieva

Volgograd State Technical University

The paper investigates changes in social structure of students community. Attention is drawn to the fact that migration intentions of local students and non-residents are different. On basis of the data obtained in the sociological research the authors have worked out conclusions on migration intentions of students and the vector of their value orientations in this area.

Keywords: migration, migration intentions, youth, students, social structure, social communication.